

Обучение риторике в Византии требовало от ученика умения составлять произведения любых жанров на заданную тему, пусть даже абсурдную. Опытный ритор должен был в случае необходимости с легкостью изысканно превознести и язвительно высмеять один и тот же предмет.

Прочитайте одно из риторических упражнений Михаила Пселла (XI в.) в переводе П. В. Безобразова.

А теперь представьте, что вы живете в XI в. в Константинополе и ваш учитель Михаил Пселл предложил вам продолжить начатую им игру и написать на выбор **похвалу таракану, огородным сорнякам или домашней пыли** (3–5 тыс. знаков).

П о х в а л а в ш и.

Можетъ быть вошь завидуетъ похвалѣ, которую мы написали блохѣ. Оба эти животныя принадлежатъ къ разнымъ видамъ, но мы будемъ говорить о нихъ вмѣстѣ, рассматривая одно какъ бы мужа другое какъ бы жену, потому, что въ нихъ есть общія черты.

Мы показали, что блоха произведеніе равноденствія (т.-е. родится во время весенняго равноденствія)¹, слуга и копыеносецъ роста солнца; нисколько не меньше можемъ мы похвалить ее съ другой стороны. Чтобы рѣчь шла по порядку, начнемъ лучше всего съ ея происхожденія.

Мы объяснили и доказали, что блохи рождаются другъ отъ друга и хвалили ихъ за это, вошь же рождается другимъ образомъ и еще болѣе удивительнымъ чѣмъ блоха. У нея нѣтъ рожденія, не выдѣляется матеріальнаго сѣмени, а зарожденіе ея самопроизвольно (*αὐτόματον*).

Мы больше удивляемся рѣдкому, чѣмъ обычному; и если изъ рѣдкаго одно больше, другое меньше, насъ поражаетъ то, что меньше. Нѣтъ ничего удивительнѣе солнца; тѣмъ не менѣе увидѣвъ комету, мы больше удивляемся. Поэтому мы и стрижа любимъ больше ласточки и летучаго муравья больше слона. Слѣдовательно необычный способъ происхожденія удивительнѣе обычнаго. Человѣкъ рождается отъ человѣка, это дѣло самое обыкновенное въ природѣ, и этотъ фактъ нисколько не поражаетъ ума; вошь рождается изъ ничего, что въ высшей степени поразительно. Естествоиспытатели думаютъ и говорятъ, что невозможно происхожденіе изъ ничего; вошь же опровергаетъ это мнѣніе, такъ какъ она никѣмъ не зачинается, но зарождается сама по себѣ.

Такъ какъ сущее и несущее имѣетъ у философовъ разные признаки, мы не скажемъ, что она (вошь) не произошла ни изъ какой матеріи, но допустимъ, что изъ одного вещества она могла произойти, изъ другаго—нѣтъ. Мы отрицаемъ, чтобы она могла произойти вслѣдствіе совокупленія, но допускаемъ, что она получила бытіе изъ вещества разнороднаго. Ослы, сгнивая порождаютъ жуковъ, лошади—осъ, быки—пчелъ, испорченная вода—комаровъ; вошь же порождаетъ прекраснѣйшее живое существо, не сгнивая, не портясь, но будучи одушевленнымъ и живымъ; ибо она зарождается изъ головы человѣка.

¹ Объ этомъ говорится во второй похвалѣ блохѣ. (Boiss. p. 78—84).

Часть пищи, измѣняемой нашими физическими свойствами, переходитъ въ селезенку, часть въ мочевоу пузырь, часть же поднимается къ печени; та же часть пищи, которая согрѣвается и измѣняется въ желудкѣ, превращается въ испаренія. Такъ какъ испаренія эти очень легки и тонки, они, какъ бы къ небу, поднимаются къ головѣ. Но, чтобы присутствіе этихъ испареній не производило головокруженія и онѣмѣнія, природа раздѣлила черепъ на разные швы; всѣ кости природа отдѣлила другъ отъ друга ямочками, испаренія какъ бы протекають черезъ нихъ, и оставаясь въ черепной кожѣ, порождаютъ удивительнымъ образомъ вошь.

Такъ рождается она, вскармливается же массою волосъ на головѣ. Волосы играютъ для нея роль повивальной бабушки и копьеносцевъ.

То что гниетъ сначала и измѣняется имѣетъ разнообразную причину зарожденія. Но вши даетъ зарожденіе не гниеніе сѣмени, но тончайшая и легчайшая часть пищи. Ибо что легче и тоньше испаренія?

Испаренія земли порождаютъ метеоры и кометы; а испаренія нашего желудка вошь. Такъ же какъ наше испареніе имѣетъ нѣкоторое соотношеніе съ испареніемъ земли, такъ и вошь имѣетъ нѣкоторое соотношеніе со свѣтомъ кометы. Въ небесной сферѣ рождаются удивительныя явленія, въ сферѣ же нашей головы удивительно это животное.

Всего поразительнѣе, что въ то время какъ въ нашемъ тѣлѣ много разныхъ частей—даже никто не можетъ сказать сколько ихъ— всѣ остальные части тѣла это животное считаетъ какъ бы недостойнымъ себя и одну голову избираетъ органомъ своего зарожденія. Оттуда оно переходитъ и на другія части тѣла, но вновь возвращается, какъ бы двигаясь съ востока на западъ и возвращаясь къ точкѣ отправления.

Какъ я слышалъ отъ одного мужа, отличнаго философа, природа не безъ причины сдѣлала голову круглой, но потому что въ ней живетъ умъ, любящій шарообразный видъ круглаго тѣла; это животное также бѣжитъ къ шарообразному, какъ къ чему-то своему, а потому и помѣщено въ головѣ. И такъ то и другое представляется головѣ желаннымъ: умъ, вселяющійся въ нее сверху, и вошь, зарождающаяся снизу. Но умъ находится внутри головы и какъ бы съ акрополя управляетъ живымъ существомъ, вошь же живетъ снаружи.

Хотите, я приведу вамъ другое болѣе таинственное положеніе о вши? Но не считайте меня болтуномъ и излѣдующимъ безъ метода

за то, что я взялся изслѣдовать недостойное изслѣдованіи и задался цѣлью соединить то, что нельзя сравнивать между собою.

Что касается движенія души, я вижу, что философы признають двоякій умъ; одинъ находится внутри сферы, гдѣ Платонъ помещаетъ даже идеи, другой же внѣ всякаго тѣла. Чтобы меня не обвинилъ кто въ отсутствіи хорошаго вкуса, не дерзаю сказать ничего больше, кромѣ заключенія, что животное, находящееся внѣ головы, лучше ума, внутри ея находящагося.

Это животное предполагаетъ не одну идею (сущность), но одна совершенно бѣлая и блистаетъ этимъ цвѣтомъ, другая же—черная, подобная черному морю. Часть ея составляютъ височныя части и поскольку она вскармливается на мѣстахъ безъ волосъ, она кажется черной и сильной.

Итакъ, какъ сказано, все человѣческое тѣло представляетъ для вши улицу, по которой она можетъ ходить; но жилищемъ служить ей голова, какъ бы дворецъ, предназначенный для нѣкоей царицы. Затылокъ же и грудь, спина и руки и все остальное до ногъ представляютъ для нея возвышенности и равнины. Въ тихую погоду выходитъ она, раскрывъ двери; если же двигается противъ нея что-нибудь, что можетъ погубить ее, она благоразумно возвращается въ свое старое жилище и какъ бы тиранъ, занявъ возвышенность головы предоставляетъ рукамъ осаждать стѣны; она же охраняется головою словно башнею. Поймать тутъ это животное очень трудно. Какъ колосъ удерживаетъ пшеницу отъ паденія при ударахъ, такъ же волосы отражаютъ отъ вши всякую опасность. Даже если начинается охота по поверхности тѣла, она, какъ рассказываютъ про губки, совершенно уходитъ подъ кожу головы, и такимъ образомъ избѣгаетъ лова. Она крѣпко цѣпляется ногами и на поверхности тѣла не видно никакого прибавленія; но вполне сравнившись съ кожею, этотъ тиранъ дѣлаетъ безполезными попытки рукъ, осаждающихъ стѣны.

Нѣкоторыя животныя питаются тѣмъ что произрастаетъ изъ земли; она же ѣсть все самое лучшее. Ибо то что вкушается человѣкомъ, вторично служить ей трапезой. Вамъ готовятъ жаркое руки поваровъ (*δψοποιῶν*) и пирожники (*οἱ τὰ πέριχτα ποιῶντες*) остальную пищу; мы же замѣняемъ вши поваровъ истрянуновъ. Мы приготовляемъ ей яства, вырабатывая соки, кровь, испаренія, чтобы пища ея была разнообразна. Когда мы хорошо служимъ ей, она пользуется предлагаемыми кушаньями, если же мы предлагаемъ ей грубую пищу, она отвергаетъ ее, а съ нами поступаетъ какъ съ рабами и бичуетъ пасъ, царапая голову ногами и кусая ртомъ.

Итакъ мы начальствуемъ надъ остальными животными, надъ нами же пачальствуетъ вошь. Въ то время какъ глаза все видятъ, она одна не видима. Тѣло ея по виду слабо и причисляется она къ безтѣлеснымъ существамъ. Существованіе ея прекращается, когда мы умираемъ и она лишается пищи, хоронится она въ могилѣ нашей головы и слѣдовательно, гдѣ зарождается тамъ и умираетъ.

Не видите ли вы, что все это—состязаніе рѣчи, и что риторика выказываетъ свою силу даже въ самыхъ ничтожныхъ сюжетахъ. Ибо я вовсе не имѣлъ въ виду написать похвалу вши (я еще не сошелъ съ ума), но доказать вамъ какую силу имѣетъ слово, дабы вы, имѣя предъ собою такой образецъ, упражнялись бы надъ самыми ничтожными темами и подражали мнѣ. (Boiss. p. 85—91).